

Рассказ путешественника, найденный в старом журнале

Старая Карлита поворошила кочергой угли в очаге и сказала мне:

— История? Знаю я одну историю. Слушай, записывай и не заставляй меня повторять два раза, я этого не люблю. Был как-то у меня один странный посетитель...

Я открыл блокнот и приготовился слушать Карлиту. Карлите было уже лет восемьдесят, ее спину скрючила старость, седую голову покрывал яркий платок, а на впалой груди шевелилось, позвякивало медное ожерелье, в которое была вплетена добрая сотня мелких монеток. «Как Карлита носит такую тяжесть на своей тонкой морщинистой шее, — подумал я, — неужто ей не тяжело?» Старая Карлита была гадалкой, и, когда я оказался в Ипсонии, я стал приспрашивать, нет ли здесь прекрасных рассказчиков и рассказчиц, которые могли бы поделиться со мной разными интересными историями.

Мне указали на дом Карлиты и предупредили, что к старухе лучше идти с бутылкой вина или пачкой забористого трубочного табаку. В лавке я купил подарки и постучал в дверь. У старой Карлиты глаз был наметан: она с порога определила, что я путник и не ипсонец. Да оно, видимо, было нетрудно — костюм мой был пылен, а волосы мои были рыжи, тогда как местные жители были сплошь обладателями черных кудрей. Карлита сказала, что я давно путешествую и еще не скоро вернусь домой, хотя и очень тоскую по сыну. Что ведет меня некая книга, которую мне еще предстоит написать. Что впереди путь мой не ясен (а я и впрямь еще не решил, куда двинусь после Ипсонии — в Онглезию или же в Гремещию), и что я увижу сына, когда он будет совсем взрослым. И это тоже было верно: я намеревался провести в странствиях десять лет, и к моменту моего возвращения Барто уже исполнится семнадцать лет. Услышав все это, я признал в старой Карлите талант предсказательницы и изложил свою просьбу. Я искал историю для очередной своей сказки, и эта история у Карлиты оказалась, каковую я и записал и теперь почти в первоизданном виде предлагаю читателям журнала.

Однажды в дом к Карлите пришел человек, назовем его Невезучим.

— Я слышал, ты дружна с колдовством, — сказал с порога Невезучий.

— Про Карлиту каких только баек не сочиняют, но ты верь, да не всему, — ответила гадалка, раскуривая трубочку.

— Я хочу, чтобы ты исполнила одно мое желание, — сказал человек.

— Одно? А почему не десять? — ответила Карлита, которая тогда была лет на пятьдесят помоложе и остра на язык. — Разве же я похожа на волшебника? Я только гадаю.

— Но люди говорят, — продолжил Невезучий, — что ты знаешься с самим дьяволом. И если тебя хорошо попросить, ты исполнишь любое желание.

— Брехня, — сказала Карлита, выпуская дым в потолок. — Конечно же, не любое. Вот если, к примеру, какая бездетная женщина сильно хочет родить ребеночка, то я могу подсказать ей кое-какое средство. Или если парень хочет приворожить несговорчивую девчонку, а карты говорят, что будет им вместе счастье, то я ему не отказываю.

— Нет, — сказал Невезучий, — у меня другое желание — чтобы все мои желания исполнялись.

Карлита от удивления даже присвистнула — вот так желание у этого чудака! Попробуй — ка выполни!

— Мне уж не везет так не везет, — продолжил незнакомец. — У меня нет ни дома, ни работы, ни семьи. Женщины меня не любят, потому что я горбат, а в работники меня не берут, потому что одна рука у меня короче другой. А дом я не построил, потому что денег нет.

— Может быть, тогда тебе лучше пожелать здоровья? — спросила Карлита.

— Кроме того, что я горбат и одна рука коротка, я здоров как бык. За всю свою жизнь я ни разу не чихнул и не кашлянул. У меня целы все зубы и сердце стучит также исправно, как часы на нашей городской ратуше. Вот только невезуч я, и все. Как не повезло таким родиться, так до сих пор и нет мне удачи.

— Может быть, тогда тебе пожелать красоты? — усмехнулась Карлита.

— Если ты поднесешь лампу к самому моему лицу, ты увидишь, что я не так уж и страшен, если не считать горба и короткой лапы. Мне бы только везения побольше.

Карлита долго курила свою трубку, сидя в деревянном кресле. Подумав, она сказала:

— Ну что ж, будь по-твоему. Но только тут не все зависит от Карлиты, а больше от тебя самого. Как ты решишь, так оно и будет. Я слышала, где-то на окраине Ипсонии есть один город, где люди живут по своему, особенному календарю. Между ноябрем и декабрем у них есть еще месяц ноябрь, а в нем есть один день, когда исполняется любое желание. Но не у каждого, а только у того, кто этого действительно хочет. За свою жизнь мне доводилось встречать людей, желания которых исполнились. Доводилось встречать и таких, которые вернулись ни с чем — только потому, что сами отказались от исполнения своего желания. Город этот называется Нигдеберг, а день этот — то ли пятнадцатое, то ли семнадцатое ноября, я запомнила, но точно помню, что он примерно в середине месяца. Сейчас у нас тридцатое ноября, и если ты выйдешь в путь сегодня, то придешь в Нигдеберг ровно к середине ноября. Не выедешь, а именно выйдешь, так как тайный город Нигдеберг не открывается всаднику или пассажиру почтовой кареты, а только пешему путнику. И где он точно находится, я не знаю, не помнят этого и те, кто в нем побывал. Если бы Нигдеберг не был тайным, все бы ринулись туда исполнять свои желания, а уж недостатка в желающих заработать на доставке путешественников в Нигдеберг точно не было бы. Пойдешь на север, поплутаешь как следует, не откажешься от своих намерений найти Нигдеберг, он тебе и откроется.

Невезучий поблагодарил Карлиту за совет, взял шапку и отправился в путь. Через месяц, как раз под Новый год, он вернулся и рассказал гадалке о своем походе в Нигдеберг. Он вернулся таким, каким ухаживал: горбатым и с одной рукой короче другой.

— Видать, ты не смог найти тайный город Нигдеберг, — встретила своего гостя Карлита.

— Да нет, смог, — сказал Невезучий.

— И как? — спросила его предсказательница. — Сбылось ли твое желание?

— Сбылось, — ответил гость. — Но только другое желание, а не то, с которым я к тебе приходил.

— Вот как? — Карлита достала из кармана юбки свою трубку и приготовилась расспросить своего гостя поподробнее о его путешествии.

— Прошло уже две недели, как я вышел на поиски Нигдеберга, а тайный город мне все не открывался, — начал рассказ о своем походе Невезучий. — Уже дней десять я кружил по северной окраине, где, по твоим рассказам, должен был находиться тайный город. Я прочесал лес, обошел горное урочище, облазил заснеженные овраги — и нигде не обнаружил ни намека на вход в Нигдеберг. Хлеб в моей котомке, который я взял в дорогу, был уже на исходе, силы мои — тоже. Чем дальше я шел на север, тем становилось все холоднее, я продрог до костей, и у меня начался жар. «Черт с тобой, — подумал я. — Нашел из-за чего тащиться незнамо куда, в какой-то город, которого, может быть, и вообще нет на свете». И тебя, Карлита, тогда я помянул недобрым словом. Мол, жил себе, пусть плохо, но ведь жил, а вот теперь придется помереть ни за грош в заметенном овраге. Ну его, это желание всех желаний, к дьяволу! Пусть я останусь горбуном, дай мне лучше, тайный город Нигдеберг, если ты есть, чашку горячего супа и приют на одну ночь, а утром я отправлюсь обратно, и дай мне сил дойти до дома, которого у меня нет...

И, видно, так сильно было мое желание, что метель стала стихать, небо начало расчищаться от туч, и неподалеку стали проступать за редющей снежной пеленой городские каменные стены. «О, спасибо тебе, тайный город Нигдеберг, — воскликнул я, вскочил на ноги и через несколько минут уже стоял у городских ворот. — Вот так повезло, — подумал я, — разве ж теперь можно называть мне себя невезучим?»

Я шел по улицам Нигдеберга, принюхиваясь к запахам, которые просачивались из жилищ горожан. Вместе с запахами хлеба, лука, свежей похлебки на улицу долетали и обрывки разговоров, из которых я понял, что тот самый день, 15 мая, наступит уже завтра. И все жители города завтра разом исполнят свои желания, накопившиеся за целый год. Не одно, не два и не три желания, а все, какие только один человек мог успеть загадать за один день. Какие это были разговоры! Впрочем, некоторые из них не хочется и вспоминать...

Когда я проходил мимо дома небедного человека, ювелира, то услышал, как он с женой составлял список необходимого для его ювелирной работы. «Пиши, — диктовал ювелир жене, — золота высшей пробы — сто килограммов. Изумрудов — десять килограммов. Алмазов для огранки — большой мешок». «Ты что, — пыталась урезонить его жена, — какой мешок? Еще с прошлого года неограненных алмазов полтора мешка в подвале стоят... Куда еще тебе? Эти бы сбыть, а то хожу, за мешки запинаясь...» Ювелир стукнул кулаком по столу и прикрикнул: «Цыц! — Тут он огляделся по сторонам и шепотом сказал недалекой жене: — Глупая! Ходят слухи, что майбрь хотят вообще отменить и сделать Нигдеберг обычным городом. Вдруг этот волшебный день в середине мая — последний в нашей жизни? Где мне тогда брать металлы и камни для своего ювелирного дела? А жить-то нам еще долго, скоро старость, соображать надо...»

Когда я проходил мимо дома другого богатея, ростовщика, то услышал и вовсе дикое желание. «Хочу, — разглагольствовал у приоткрытого окошка богаты, — чтобы завтра все мои должники приползли ко мне на коленях и вернули не долги, нет, а в три! В четыре! В пять раз больше денег!»

«Бедный, бедный город Нигдеберг, — подумал я, — если все жители в нем так-то, как ювелир и ростовщик!» Ни в первый, ни во второй дом проситься на постой я не рискнул и теперь пробирался дальше по узким темнеющим улицам в поисках еды и приюта.

У третьего дома, с виду бедняцкого, светилось маленькое окошко, но едой из него и не пахло. Поэтому я не стал стучать и сюда, не желая обременять небогатых хозяев своим визитом. «О, завтра большой день, — услышал я женский голос, донесшийся от окошка. — Завтра исполнятся все наши желания, дети». Женщина укладывала спать своих детей и рассказывала им о том, что будет завтра. «Завтра, — говорила она, — я попрошу, чтобы ростовщик простил нам долг. Чтобы мясник устроил рождественскую распродажу. Чтобы не мело по улицам и не было мороза, а то никто не придет в мою мастерскую со своими заказами...» У женщины было много нехитрых желаний, и от каждого из них на мои глаза наворачивались слезы.

Но кто бы и меня пожалел — брюхо подводило с голоду, а ноги и руки совсем ооченели. Не желая более слушать чужих желаний, я постучал в дверь следующего дома. Меня впустил крестьянин. Его большому семейству тоже было не до постояльцев, жильцы этого дома — отец, мать и двое взрослых сыновей — готовили свой список на завтра. Поэтому меня быстро усадили к печи, дали в руки миску с похлебкой и лопоту хлеба и принялись дальше обсуждать свои желания.

— Надо бы новую жатку пожелать, — сказал хозяин, — да чтобы корова здоровым теленком отелилась.

— Пусть ярмарка завтра приедет, — продолжила хозяйка, — и чтобы ткань бесплат-но всем давали.

— Хочу, — сказал старший сын, — к Агнешке посвататься, и чтобы она мне не отка-зала. Пусть она меня и не любит, но уж завтра, если загадано, все исполняется.

Хлебная суп, я подумал, что хорошо бы и той Агнешке загадать, чтобы этот парень завтра про свое сватовство бы и не вспомнил, и замуж бы идти за себя не принуждал.

— А я не буду ничего гадать, — сказал тут младший сын. — Неправильно это: весь год жить абы как, и только в ноябре спохватиться, чего в хозяйстве не хватает, и тут же все и заполнить.

— Молчи, дурень! — замахнулся на него отец. — Кто ж от такого отказывается, когда само собой все в руки идет! Вот и господин приезжий, — тут хозяин указал на меня, — не иначе как за тем же самым в город пришел... От горба себя избавить, другому приставить, так ведь? — с хитрой улыбкой подмигнул он мне.

Я вспомнил, что шел в таинственный город вовсе не за тем, чтобы с моей спины исчез горб, а за исполнением всех своих желаний. Но в заметенном овраге, замерзая, я поклялся в том, что если выберусь живым, то не буду просить о такой глупости.

— Ты тоже, видать, того, — хозяин покрутил пальцем у виска, — вроде моего младшего дурня. Разве ж это глупость? Этого бы все здесь хотели, только Нигдеберг не дает никому исполнения всех желаний, безмерного везения, вечной молодости или большого счастья. Почему, не знаю. Но старожилы говорят, что нужно просить только то, что можно руками пощупать, в карман положить или в сарай поставить. Коровку, к примеру, или деньги. Ты это, завтра как настанет, так не стесняйся, проси деньги, или лошадь, одежду хорошую... Зря, что ли, в такую даль шел.

Наступило утро. Семейство моего хозяина уже давно проснулось и вывесило список со своими желаниями за окно. Также поступили и их соседи: и бедная женщина, которая просила о хорошей погоде, и злой ростовщик, и жадный ювелир. Из каждого открытого окна свешивался кусок ткани или бумаги с желаниями, который развевался на ветру. Из иных окон были вывешены целые простыни, исписанные убористыми чернильными буквами. Город словно хлопал крыльями и тщечно пытался взлететь, как будто земные желания горожан висели на нем тяжким грузом. Городские мальчишки бегали от дома к дому, читали эти записки и кричали на весь белый свет:

— Старая Берта хочет свести бородавку, которая месяц назад вылезла у нее на носу! Ха-ха-ха!

— Мартин-булочник просит подвал на три этажа вниз углубить, а то все нажитое добро уже в дом не вмещается!!! Ха-ха-ха!

И так многие желания, хозяева которых хотели, чтобы они оставались в тайне, становились известны всей улице. Но кому было дело до чужих желаний, свое бы не забыть загадать, ведь 15 ноября по нигдебергскому календарю было самым коротким днем в году. Желания исполнялись только, когда солнце высоко стояло над городом, а с первыми сумерками все волшебство прекращалось. Вот поэтому и старались жители ничего не упустить, припоминая свои желания накануне.

Надо ли говорить, что у мальчишек все их желания уже сбылись, и все карманы на их одежде с утра пораньше были набиты конфетами, оловянными солдатиками и орехами.

«Странный город, — подумал я. — Еще вчера он казался серым, грязным, заспанным, снег на улицах не чищен, фонари не зажжены, ставни не подвязаны. А сегодня вон как живо на его улицах! Неужто и вправду живут они только ради одного дня в году, когда все само собой появляется в их домах?»

«Пожелай, — мелькнула у меня в голове шальная мысль, — себе и дом, и работу, и жену — все сбудется сегодня!» «Ну, положим, — ответил я сам себе, — даст мне Нигдеберг жену, будет ли она любить меня? Будет ли удобным и теплым волшебным образом появившийся у меня дом? Здесь, я так понимаю, выбирать не приходится — бери, что дают, и будь благодарен. А я так не хочу. Дай мне хлеба и сил на обратную дорогу», — подумал я. Тут же в котомке у меня приятно затяжелело, и бок начал греть свежий, будто только из печи вынутый, каравай. Вчера вернулся я в город и сегодня пришел к тебе, Карлита, чтобы рассказать правду о тайном городе Нигдеберге, пока не забыл.

— Я тогда сказала ему: «Ну, раз ты вернулся, есть у меня для тебя новость. Кузнец тут подыскивал себе помощника, и я замолвила за тебя словечко. Сказала, что ты силен как бык и ни разу в жизни не болел ни одной болезнью. Кузнец ответил: "Как вернется, пусть приходит"». Невезучий оказался ловким помощником, я сдала ему комнату, а через три месяца мы стали мужем и женой. Прожили мы с ним в ладу и согласии почти полвека, и только в прошлом году он помер, оставив свою старую Карлиту одну. Выходит, все ж таки выполнил странный город Нигдеберг все его желания — и о доме, и о жене, и о работе... Многие приходили к нам послушать его историю и выведать у моего старика дорогу в Нигдеберг, но он все запомнил, только и твердил про какой-то овраг на северной окраине.

Так закончила свою историю гадалка Карлита, я свернул блокнот, вручил ей вино и табак и распрощался. Я решил уже, что отложу поездку как в Англию, так и в Грецию, но отправлюсь на поиски тайного города Нигдеберга. Выйдя из дома старухи, я шагнул в северном направлении — не потому что у меня было на уме какое-то особенное желание, просто я решил увидеть этот город собственными глазами. ■